

In Memoriam

Она была человеком двух культур...

Маргарита Владимировна Тунс
(18 апреля 1930 - 27 декабря 2012)

Юрис Тунс

Сколько я себя помню, мама разговаривала и на латышском, и на русском языке в одинаковой степени правильно и без акцента. Родилась Маргарита Владимировна в Латвии, и гражданство я получил по линии матери.

Меня воспитывала в большой степени моя бабушка, которая была очень интересной личностью и в чем-то даже более колоритной, чем моя мать. Бабушка пела в церковном хоре на улице Базницас в Vecā Ģertrūde, в чистейшей латышской лютеранской церкви. Порой русским казалось, что моя бабушка — латышская националистка, потому что она прекрасно могла говорить на латышском языке. А для латышей она была великорусская шовинистка, когда возникали какие-то завихрения на национальной почве.

Когда нужно было идти учиться, меня, как и старшего брата, послали в русскую 22-ю школу на ул. Бруниниеку. Школа ничем особенным не выделялась, хотя там и учился великий шахматист Михаил Таль. Это было обычное пролетарское учебное заведение, в отличие от 40-й с английским уклоном.

Моя мама одинаково хорошо себя чувствовала и в русской, и в латышской среде. Она меняла язык по ходу пьесы столько, сколько нужно. Поэтому билингвально она работала во всех коллективах. Среди друзей Маргариты Владимировны и русские, и латыши, и евреи. Своего учителя, доктора искусствоведения Лию Эммануиловну Красинскую (1911-2009) она боготворила, называла ее своей второй мамой.

Все ее музыкальные бригады, когда я ездил с ней на концерты куда-то на периферию, состояли не только из латышей. Мне запомнился Геннадий Розенберг, или Рая Кодыш, или русский Егоров, бас. Наташа Шредер — тоже еврейка, и сам директор филармонии Филипп Осипович Швейник (1911-1973) тоже был еврей. Маргарите Владимировне очень помогало знание латышского языка. Она была главным редактором филармонии. В 1963 г. в филармонии сгорело главное здание. Из-за кипятильника загорелась сцена, потом сгорела крыша. По правилам после пожара увольняют обычно

кроме уборщицы, забывшей выключить кипятильник, или сторожа, еще и директора.

Мою мать прочили в директоры филармонии, но сработали какие-то советские блатные системы. Решили оставить Швейника, а Маргарите Владимировне предложили поездку в Венгрию. В то время поехать в Венгрию, это то же, как сейчас полететь в космос. Она, конечно, выбрала поездку в Венгрию... Она никогда не рвалась к власти, в коммунистическую партию не вступала и была беспартийной.

Она целиком была предана музыке. Если охарактеризовать кредо ее жизни одним предложением, и об этом я говорил на похоронах, — это пропаганда классической музыки. Я помню, в свое время она раздавала календарики со словами Шостаковича: «Чтобы полюбить музыку — надо прежде всего ее слушать». Причем слушать ее нужно в хорошем исполнении.

Мать была абсолютно неподкупным человеком. Она могла в лицо сказать любому певцу о том, что она думает о его исполнении. После концерта, когда молодому тенору аплодируют, потому что он просто понравился, красиво выглядит, молод, спел, скажем, какую-то украинскую народную песню и тронул сердца половины концертного зала. А мать за сценой может сказать: ««Ну, что же, поздравляю вас с незаслуженным успехом!». Из нее выдавить фальшь было просто невозможно. Ее музыкальный слух, ее понимание микрокосмоса музыки — нечто ошеломляющее.

Я помню, когда она стала плохо видеть, в последнее время ходила без очков, и на Международном фестивале оперной музыки в Сигулде, «Siguldas Operas svētki» она без программки, опоздав на какое-то отделение, сидя рядом со мной, говорит: «Какие теплые тона, что-то латиноамериканское». Объявляют: Пуэрто-Рико. То есть так попасть в десятку по голосу, по тембру голоса различить, что это певица откуда-то из Латинской Америки... Она умела различать, кто вкладывает душу в музыку, а кто просто играет по нотам, правильно нажимая на клавиши в нужный момент.

Ее друзья — Игорь Жуков, пианист, который записывается в Германии, Японии, нарасхват у всего мира. Это дирижер Большого театра Фуат Мансуров...

Второе направление ее деятельности, после пропаганды классической музыки, — открыть сцену молодым талантам. Маргарита Владимировна умела находить звезд. Я

могу назвать очень много имен: Илья Грингольц, играющий на скрипке Страдивари, и Кристине Задовска, оперный певец (бас) Роман Полисадов, Эвита Залите из Латвийской оперы, пианист Петр Лаул из Петербурга и многие другие. У многих первые концерты на большой сцене состоялись благодаря Маргарите Владимировне. Она имела дар, например, в Пскове найти певца (бас-баритон) Яна Осина, привезти его в Ригу и сделать его известным.

Если начинать вспоминать... помнит ли Раймонд Паулс то время, когда он в консерватории был ее студентом?

...Она очень симпатизировала Янису Юркансу, который сам не является, как вы знаете, латышом, он поляк, бывший министр иностранных дел Латвии. Такие люди, как Юрканс, являются воплощением идеи согласия в латвийском обществе.

Для Маргариты Владимировны не существовало понятия иерархии. В советскую эпоху, во времена комсомола она свободно заходила в любой кабинет. Ее не волновало, кто перед ней — Ивар Приедитис или Валерий Каргин, заведующий отделом агитации и пропаганды Рижского горкома комсомола. Она грозила им пальцем и говорила: «Ну вот, нужно воспитывать молодежь в духе классической музыки, нужно делать концерты». И ее слушали с открытым ртом. Приходили на ее концерты и смотрели, как это так? Сюда пришел Янис Петерс! Что тут делает Имант Зиедонис? Что здесь делают известные латвийские поэты и писатели, которые оставляют в книге отзывов свои комментарии о ее молодежном музыкальном клубе?

Еще несколько слов о ее прошлом.

Моя мать ухаживала за двумя близнецами-братьями и во время немецкой оккупации. Маргарита Владимировна еще девочкой евреям покупала хлеб в магазине, ведь им нельзя было ходить по тротуару. Всю войну она прожила здесь, в Риге. Дедушку временно забрали в тюрьму, так как он был лидером профсоюзного движения Рижской табачной фабрики.

Теперь о современности. Слово «интеграция» по отношению к моей матери и ко многим русским, которые живут здесь в Латвии, термин придуманный и нонсенс. Куда мою мать интегрировать, если она в латвийской консерватории преподавала музыкальную литературу на латышском языке Раймонду Паулсу? Как вы можете интегрировать такого человека, как моя мать? У нее муж — латыш, дети говорят по-латышски, хотя и

ходили в русскую школу. Но могли ходить с таким же успехом и в латышскую школу.

Интеграция, все-таки коснулась и ее. Она с бывшим министром интеграции Нилсом Муйжниексом, да и с другими латышами находила контакт. Она за это болела всей душой.

Летом Маргарита Владимировна собирала русскоязычную публику из различных санаториев, ходила по пляжу Юрмалы и во время праздника Лиго, рассказывала, какие традиции у латышского народа, как прыгают через костер, почему прыгают, что такое

«arļīgošana», зачем камыши носят. Она была одним из основателей, учредителей общества Кришьяна Барона. Это общество Кришьяна Барона не занималось собиранием латышских дайн. Это было русское общество. Как раз на лекториях она рассказывала о латышской музыке и о латышских композиторах, которые в большинстве своем, между прочим, учились в Петербурге.

Когда она создала общество имени Сергея Рахманинова, которое позже переросло в «Klasiskās mūzikas biedrība», я стал его председателем.

Памяти Маргариты Владимировны Тунс

Татьяна Фейгмане

*Маргарита – студентка
Латвийской консерватории*

Конец минувшего года ознаменовался невосполнимой утратой. Из жизни ушла Маргарита Владимировна Тунс — музыковед, лектор, человек, беззаветно преданный своему делу. Невзирая на всяческие преграды, на финансовые проблемы, Маргарита Владимировна с поразительной настойчивостью проводила лекции-концерты, популяризировала классическую музыку, в особенности, обожаемую ею русскую классику; помогала молодым исполнителям найти свое место на большой сцене. Свой последний концерт Маргарита Владимировна провела 1 октября минувшего

года, уже зная о вынесенном ей врачами вердикте. Превозмогая нестерпимые боли, Маргарита Владимировна продолжала работать. Она мечтала 13 февраля 2013 года провести концерт памяти Федора Ивановича Шаляпина в связи со 140-летием со дня его рождения. Но мечте этой не суждено было сбыться...

Маргарита Владимировна Тунс (ур. Бусько) родилась в Риге 18 апреля 1930 года в рабочей семье. Предки, как со стороны отца, так и матери, имели в Латвии глубокие корни. Мама — Мария Ивановна Бусько (ур. Ваганова) (1905-1982) работала на табачной фабрике «Майкапар», отец — Владимир Степанович Бусько (1903-1964) был механиком. В канун рождения дочери отец остался без работы. С трудом, ввиду экономического кризиса, ему удалось устроиться на строительство павильонов Центрального рынка. В начале 1930-х годов семье Бусько пришлось пережить немало трудностей. Помимо экономических проблем, у годовалой Маргариты выявили рахит, и пришлось потратить немало средств и сил на ее лечение. К счастью, Владимиру Бусько удалось устроиться на фабрику «Майкапар», где уже работала его супруга. В целях экономии, Владимир Бусько из Задвинья (где семья временно обосновалась в связи с болезнью Маргариты) шел пешком на улицу Миера, где находилась фабрика Майкапаров.

В 1935 году в семье родились близнецы: Анатолий и Георгий. Оба они скончались почти одновременно, в 2011 году. Смерть